

Фантастический рассказ
Азамат Мурзагулов

**Хищники Каменных
Пустошей**

Азамат Мурзагулов

Хищники Каменных Пустошей

«Автор»

2026

Мурзагулов А. Г.

Хищники Каменных Пустошей / А. Г. Мурзагулов — «Автор»,
2026

Человек и хищник, разделенные тысячами световых лет, никогда не должны были делить один мир. Но судьба забросила их на забытый камень посреди космоса, отрезав от звездолетов и бластеров. Золотой век обеих цивилизаций закончился. Люди погрузились в Темные века, строя средневековые города-крепости и ведя бесконечные войны за еду и ресурсы. Они утонули в суевериях и мифах. Хищники превратились в ночных призраков пустоши. Их броня сделана из жил, а статус измеряется числом позвонков инопланетных существ, нанизанных на шею. Жестокая планета обнулила их достижения, вернув оба вида к истокам. Выживать теперь могли только самые быстрые, сильные и безжалостные. Это история о том, как легко культура превращается в пыль без машин. Как по-разному оба вида пытаются сохранить себя. Внутри каждого из нас таится зверь, помнящий пещерный мрак. А внутри каждого хищника спит терпеливый убийца, готовый нанести идеальный удар.

© Мурзагулов А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хищники Каменных Пустошей

Глава 1

Пролог: Рождение шрама.

В безмолвной пустоте космоса, где время измеряется зонами, а расстояния — световыми годами, одинокий космический странник завершал свой путь. Это был огромный, многокилометровый астероид, осколок давно погибшего мира, несущий в себе холод и смерть. Он неумолимо приближался к этой юной планете, чья поверхность ещё не остыла, а кора была тонкой и податливой, словно живая плоть.

Этот хрупкий мир безмятежно кружил в танце вокруг своего покровителя — газового гиганта, чья аномально слабая гравитация, как невидимая рука палача, направляла астероид-убийцу к своему новорожденному спутнику. Их встреча была предрешена. В этом не было ни злобы, ни умысла — лишь слепая математика небесной механики. Траектории пересеклись, и два безжизненных тела устремились к неминуемому столкновению. Судьба космических тел, как и судьба людей, пишется холодным, бесчувственным космосом на скрижалях пустоты. Планете было суждено получить свой первый и самый глубокий шрам.

Удар был подобен рождению новой звезды. В одну секунду высвободилась энергия, способная расколоть мир до самого ядра. Атмосфера мгновенно испарилась в радиусе тысяч километров. Кора планеты треснула, и в небо взметнулся огненный столб из расплавленной породы и пара, пронзивший тьму. На месте падения образовалась чудовищная рана — многокилометровый кратер, дно которого представляло собой кипящее озеро магмы.

Так началась история этого мира. Из хаоса и разрушения родилась новая форма. Миллионы лет спустя одна из стен этого исполинского кратера рухнет, открыв путь миллионам кубических километров лавы, что растекутся по округе, образовав безжизненную каменную пустошь на сотни километров вокруг. Но это было лишь начало. Жизнь, неистребимая и упрямая, рано или поздно должна была вернуться в эту мёртвую чашу, чтобы превратить её в самый опасный и прекрасный оазис во вселенной. А следом за жизнью всегда приходит смерть.

Холодный свет пробуждения.

Мир начался не с крика, а с беззвучной вспышки. Тысяча лет в криогенной капсуле — это не сон, это отсутствие. Его не было. Ни войн, сотрясавших Землю, ни великого Исхода. Он был просто выключен. А теперь его включили. Сознание возвращалось рывками. Сначала — боль. Каждая клетка тела, оттаяв после тысячелетней мерзлоты, кричала. Сердце, запущенное бортовым компьютером, билось с оглушительным грохотом. Он не мог пошевелиться, лишь дышал — жадно втягивая стерильный воздух капсулы.

— Системы... активированы, — прохрипел он, пытаясь сфокусировать взгляд на тусклой панели. — Добро пожаловать в сознание, капитан, — раздался в динамиках безэмоциональный голос ИИ. — Вы находились в криостазисе 1023 года, 9 месяцев, 16 дней. Миссия: колонизация планеты «Кеплер-2026EG-Вентура». Текущий статус: вход в плотные слои атмосферы. Крышка зашипела и отъехала. Тело слушалось с трудом, как у новорождённого жеребёнка. Он вывалился на холодный металлический пол и пополз к креслу пилота. Добраться до него казалось восхождением на Эверест. Рухнув в кресло, дрожащими пальцами нащупал ремни безопасности. Вокруг оживала приборная панель: десятки голографических экранов вспыхивали данными телеметрии.

— Вход в атмосферу через 60 секунд.

Главный обзорный экран ожил. Челнок пронзал золотистую дымку верхних слоёв атмосферы. Сквозь разрывы в облаках показалась она — планета нереальной красоты. Огром-

ный сапфировый океан, континент, покрытый буйной зеленью. В атмосфере не видно следов загрязнения.

А затем всё изменилось. Челнок затрясло. Корпус завибрировал, жалобно скрипя. За бортом бушевал огненный ад. Плазма обтекала корабль, превращая его в падающую звезду.

— Температура обшивки критическая!

Плазма рассеялась, открыв иную картину. Внизу не было ни синих океанов, ни зелёных лесов. Насколько хватало глаз, простиралась бесконечная каменная пустошь — серо-коричневое море скал и высохших русел рек.

— А где... всё остальное? — прошептал он. В этот момент удар такой силы вышвырнул его из кресла.

Мир перевернулся. Раздался скрежет рвущегося металла, наступила темнота.

Боль была первой, что прорвалась сквозь тьму. Она пульсировала в затылке тупым спазмом. Затем пришёл холод — влажный ветер, пробирающий до костей. Он открыл глаза. Над ним нависал низкий металлический потолок, испещрённый ржавыми подтёками. Воздух пах озоном и солью. Попытался сесть, но тело оставалось чужим. На стене мигала красным надпись: «АВАРИЙНАЯ ПОСАДКА». Искусственный интеллект был мёртв.

Шатаясь, добрался до иллюминатора. Корабль лежал на боку, наполовину зарывшись в крупную гальку. За окном бушевало свинцовое море под низким небом цвета мокрого асфальта. А прямо внизу простиралась полоса прибоя, заваленная галькой размером с человеческую голову.

Нужно выбирать. Главный шлюз заклинило из-за деформации корпуса. Пришлось искать запасной выход. Люк технического отсека поддался с третьей попытки. В лицо ударил порыв ледяного ветра. Выбраться наружу оказалось сложнее, чем думалось. Корпус скользил от водорослей. Он спустился вниз, обдирая ладони о рваный металл.

Лежа на спине среди камней, он жадно глотал холодный воздух. Сделано. Но тут послышался новый звук — низкий утробный гул со стороны моря. Обернувшись, увидел её: гигантскую тёмную стену воды, несущуюся к берегу беззвучно и стремительно. Рванул из последних сил к гряде скал поодаль. Но волна настигла, сбила с ног и сама отнесла к камням. Та же стена ударила в борт челнока с оглушительным треском. Металл застонал. Удар подбросил многотонную машину так легко, будто та была из картона. Шаттл оторвало от берега и понесло обратно в стихию.

Всё произошло за секунды. Закрутило в водовороте пены и камней, потянуло в глубину. Последнее, что мелькнуло перед глазами, — тусклый отблеск аварийного маячка, погасшего навсегда. Он стоял один посреди этого сурового мира. Тысяча лет сна закончилась здесь, на краю каменной пустыни под штормовым небом. На берегу остался только он. Один на один с бескрайними пустошами и неприступными горами за ними. Без памяти. Без припасов. И без надежды на спасение. Единственное, что он знал наверняка, — нужно выжить. И, возможно, ответы на вопросы «кто он?» и «что случилось?» скрываются где-то там, за этими горами.

Выжить!

Его звали... Он не помнил имени. Но это было неважно. Имя — лишь слово. Выживание — вот что имело значение. Первое, что он сделал после шока от потери челнока, — провел инвентаризацию тела и окружающего мира. Мускулы были ватными после тысячелетнего сна, но рефлексy работали. Это мышечная память, заложенная глубже сознания. Он знал, как двигаться бесшумно, экономить силы. Кем был до криосна? Солдатом? Исследователем? Неважно.

Сейчас он стал охотником на этой каменной пустоши. Он быстро шел вдоль прибоя, изучая берег. Море забрало корабль, но могло дать инструменты. Через полчаса поисков улыбнулась удача: среди гальки лежал кусок обшивки — изогнутый лист прочного композита с острыми краями. Мужчина взвесил его в руке. Отличное лезвие. Оружие прежде всего.

Среди скал густо росли окаменевшие лианы: их стебли стали тверже легированной стали. Астронавт выбрал самый длинный кусок. Осколок обсидиана, острый как бритва, выбранный из десятка кусков вулканического стекла у кромки воды, намертво сел в расщепленный конец древка. Наконечник перехлестнул кабель, который вместе с эластичными трубками свисал во многих местах с термоизоляционного костюма. Получилось тяжелое надежное копьё.

Голод пришел быстро. Фауна планеты оказалась скудной, но цеплялась за жизнь так же отчаянно, как и он сам. Несколько часов ушло на выслеживание. Обострившиеся чувства уловили движение между камнями. Наконец среди серых валунов мелькнул силуэт. Существо напоминало шестиногого варана, покрытого свалывшейся шерстью цвета местного камня. Цепкие когти позволяли ползать по отвесным скалам. Охотник замер в засаде за поваленной колонной древнего рифа. Когда тварь подставила бок почесаться о камень, наконечник вошел точно под лопатку. Удар древком довершил дело.

Огонь разведен примитивным способом: самодельное веретено из твердой древесины и куски плавника, которыми берег был усыпан после шторма. Сухая трава и мох вспыхнули мгновенно. Запах наполнил воздух. Первый ужин на Вентуре пах озоном, жареным мясом и паленой шерстью.

Ночь принесла холод. Спать под открытым небом нельзя. Профессиональные навыки снова взяли верх. Он нашел глубокую нишу под нависающей скалой, защищавшую от ветра. Из крупных камней сложил невысокую стенку со стороны моря. Кустарник пошел на подстилку, изолирующую от ледяной земли. Грубое, но надежное укрытие готово.

Проснувшись с первыми лучами тусклого солнца, он действовал по плану. Вода. Нужна пресная вода. Следуя инстинкту, двинулся к горам. Непрístupные на вид, они могли таить пещеры и родники. По пути собирал съедобные корни и ягоды, узнавая их каким-то глубинным знанием. К середине дня нашел искомое: узкую трещину в скале, уходящую вглубь горы. Протиснувшись внутрь, оказался в прохладной темноте. Пещера расширялась, превращаясь в небольшой грот. А в дальнем углу журчала вода. Присев на колени, увидел тонкую струйку, сочащуюся из камня и собирающуюся в естественную чашу. Чистая, холодная. Астронавт опустил ладони в воду и долго пил.

Оглядел убежище. Отсюда отличный обзор подходов. Здесь можно переждать непогоду. Есть оружие, огонь, еда и вода. Посмотрел на руки — крепкие, покрытые мозолями от работы с камнем и деревом. Он ничего не помнил о прошлом, но тело и разум знали всё необходимое для этого мира. Идеально приспособлен. И он собирался жить.

Охота.

Дни слились в бесконечный серый поток. Каменная пустошь, казавшаяся мёртвой, на деле оказалась живым дышащим организмом, полным опасностей и возможностей. Мужчина двигался по ней как призрак. Он изучил каждый изгиб береговой линии, знал, где в расщелинах прячутся жирные неповоротливые ящерицы, а в зарослях сухого кустарника можно найти съедобные корни. Ради эффективности пришлось изготовить лук и стрелы.

Он был не просто выжившим — он стал хозяином этого берега. Но рацион оставался скудным. Мелкая дичь не давала достаточно калорий для восстановления сил после криосна. Нужен был крупный зверь. И однажды он его нашёл.

Это случилось на третий день после обнаружения широкой бухты, защищённой от ветра. Её серые камни почернели от тел. Тысячи созданий размером с крупного земного тюленя лежали вповалку, греясь под тусклым солнцем. Воздух гудел от низкого утробного мычания и резкого запаха рыбы и мускуса. Настоящая сокровищница: горы мяса и толстого жира, который мог согревать долгими ночами. Мужчина замер на вершине скалы, наблюдая. Видел, как огромные самцы, втрое превосходящие самок, лениво поднимали головы и оглядывали стадо. Их глаза-бусинки были настороже. При малейшем намёке на угрозу — шорохе камня или тени хищной птицы — всё стадо устремлялось к воде и исчезало в пучине. Охота в лоб была обречена. Но он не был обычным охотником. Амнезия стёрла прошлое, но оставила навыки, вбитые на уровне инстинктов. Он умел ждать. Он был хитёр. Он не пошёл к стаду. Начал наблюдать за его ритмом. Заметил, что животные постоянно перемещались: тех, кто лежал у кромки, постепенно вытесняли те, кто хотел погреться дальше от прибой. Медленный непрерывный конвейер жизни. Он также увидел кое-что ещё. В сотне метров от основного лежбища из воды торчала плоская скала, едва заметная во время прилива. Там отдыхала пара молодых животных, слишком слабых или робких, чтобы пробиться в центр. План созрел мгновенно.

Весь день ушёл на подготовку. Нашёл подходящую яму за большим валуном недалеко от островка. Собрал охапку сухих лёгких веток кустарника. И самое главное — отыскал выбеленный солнцем кусок кости, сухой и полый внутри. С наступлением сумерек занял позицию. Ночь не принесла темноты — над пустошью повис газовый гигант, залил всё холодным серебристым светом. Самцы не спали. Их силуэты на фоне светлых камней были хорошо видны.

Мужчина достал лук и вложил в тетиву не обычную стрелу с каменным наконечником. К острию примотал сухой мох. Затем взял полую кость и тихо дунул. Раздался звук, похожий на крик ночной птицы — резкий и чуждый. Эффект оказался мгновенным. Ближайшие самцы

вскинули головы, но их взгляд скользнул вверх и в сторону — туда, откуда донёсся звук. В стаде началось лёгкое беспокойство. Мужчина ждал.

Один из молодых тюленей на скале, напуганный общим волнением, соскользнул в воду и поплыл к берегу. Именно этого момента он и ждал. Как только голова показалась из воды, мужчина чиркнул камнем о лезвие ножа. Искра упала на мох, и тот вспыхнул ярким дымным пламенем. Свист тетивы потонул в плеске волн. Огненная стрела вонзилась в воду в метре от цели. Животное нырнуло, но вынырнуло уже с другой стороны от островка — прямо напротив замаскированной ямы. В этот же миг охотник бросил в воду горящий пучок веток. Огонь зашипел, создав стену света и шума. Ослеплённое и напуганное существо метнулось к единственному тёмному участку берега — прямо в ловушку. Потребовалось одно молниеносное движение. Импровизированный нож из обшивки челнока вошёл точно под основание черепа. Всё кончилось за секунды. Он замер, прислушиваясь. На основном лежбище было спокойно — самцы лишь недовольно ворчали, успокаивая стадо после ложной тревоги. Он не убил ни одного стража. Он их обманул. Выживание — это не всегда сила. Иногда это интеллект и абсолютное понимание законов дикой природы. Он доказал это себе и этому миру. У него будет еда на много дней вперёд.

Соль Вентуры.

Он нашёл его случайно: преследуя отбившегося от стада детёныша, углубился в лабиринт прибрежных расщелин. Узкий проход, похожий на трещину в скале, вывел его в замкнутую, почти идеально круглую котловину. Ветер сюда не залетал, стояла абсолютная тишина. А в центре этого каменного кратера, словно драгоценность в оправе, покоилось небольшое озеро. Вода в нём была не просто солёной — густой, маслянистой на вид, насыщенного розовато-серого оттенка. Но самым поразительным было иное. По всей поверхности плавали белоснежные пористые глыбы — чистейшая морская соль, кристаллизовавшаяся и поднимавшаяся со дна. Берега покрывал толстый хрустящий белый ковёр из той же соли. Мужчина замер на краю, глядя на это природное сокровище. Он не успел даже сформулировать мысль, как тело пришло в движение.

Сознание ещё анализировало находку, а руки уже знали, что делать. Это был не навык, а чистый инстинкт выживания, вшитый в мышечную память. Он вернулся к добыче — туше молодого тюленя. Работа была грязной и кропотливой, но он выполнял её с пугающей эффективностью. Острым осколком обсидиана сделал длинный точный надрез на шкуре и начал аккуратно снимать её, подрезая соединительную ткань. Это заняло несколько часов. Затем началось главное. Он перенёс ещё тёплую шкуру к озеру. Расстелив её на плоском камне мехом вниз, принялся за работу. Набирая полные пригоршни крупных влажных кристаллов с берега, с силой втирал их в мездру — внутреннюю сторону шкуры. Соль жадно впитывала влагу и остатки плоти. Он работал методично, покрывая солью каждый сантиметр. Древний способ консервации; его руки помнили каждое движение. Соль не даст шкуре сгнить, вытянет воду и подготовит её для дальнейшей обработки. Пока она сохла на ветру и солнце, он разделал тушу с хирургической точностью. Мясо нарезал тонкими полосами и развесил рядом — получится отличный пеммикан, который может храниться месяцами.

Но самые ценные части ждали своего часа. Он собрал весь нутряной жир в плоский камень-ступу и начал толочь его, разогревая трением. Медленно, капля за каплей, из волокон выделялся чистый прозрачный жир. Он собирал его в самодельную глиняную плошку. Затем взял кости передних лап. Расколов их, достал костный мозг. Смешав вытопленный жир с измельчённым мозгом и добавив соли, долго и упорно взбивал смесь. Руки двигались в монотонном ритме. Спустя время масса начала меняться: густела, светлела, превращаясь в плотный однородный крем. Это было мыло. Чистое, которое не только смоет грязь и жир после охоты, но и станет бесценным товаром для обмена, если он когда-нибудь встретит других людей. Наконец, он взял самые крупные кости и позвонки. Расколов их на острые осколки, плотно набил

ими пустую раковину гигантского моллюска, служившую чашей. Добавив перетопленный жир в качестве горючей основы, получил примитивные, но эффективные светильники. К вечеру того же дня у него было всё необходимое для жизни: заготовка для одежды, запас чистого мыла для гигиены и несколько ярких факелов для освещения пещеры долгими ночами. Он не просто нашёл ресурсы — он превратил их в технологии. Он перестал быть выжившим. Он стал мастером.

Новый дом!

Период отчаянной борьбы за жизнь остался в прошлом. Он больше не был загнанным зверем, ищущим каждый кусок еды и глоток воды. Он стал чем-то большим. Хозяином. Духом этого сурового, но по-своему прекрасного края. Его убежище в скалах превратилось в настоящую базу. Стены были завешаны сохнувшими травами и кусками вяленого мяса. В выдолбленных нишах аккуратными стопками лежали заготовки для стрел, мотки высушенных кишок животных, заменявших верёвку, и куски обработанной соли. На сложенном из камней очаге всегда тлели угли. Запах в пещере тоже изменился: вместо вони сырости и смерти теперь пахло дымом, сухой травой и тонким ароматом самодельного мыла. Выживание сменилось размеренным ритмом. Каждое утро начиналось с обхода территории. Он знал каждый камень на многокилометровом отрезке побережья, где пасутся стада «тюленей», знал тропы, по которым к водопою спускались рогатые ящеры, похожие на помесь козы и варана. Он брал ровно столько,

сколько было нужно для пропитания и пополнения запасов, оставляя экосистему в равновесии. Исследование стало его главной страстью. Каменная пустошь, казавшаяся мёртвой, была полна жизни.

Он обнаружил колонии гигантских насекомых, похожих на богомолы, которые строили сложные гнёзда из засохшей глины. Наблюдал за стаями мелких пушистых падальщиков, с невероятной скоростью обгладывавших останки добычи до костей. Научился различать десятки видов растений: какие ядовиты, какие лечат раны, а какие утоляют голод. Но его манили горы. Непроступная стена, опоясывающая пустошь, больше не казалась непреодолимой преградой. Однажды он нашёл узкий разлом в скальной гряде — трещину, по которой, цепляясь за выступы, можно было подняться. Подъём оказался изнурительным и занял весь день. Но то, что открылось взгляду наверху, стоило каждого потраченного усилия. Перед ним раскинулось бескрайнее высокогорное плато. Воздух здесь был разреженным и кристально чистым. Мир внизу казался игрушечным. Но главное богатство таилось под ногами. Плато усеивали выходы пород самых невероятных цветов и форм. Здесь нашлись жилы железной руды — тёмно-красные полосы на сером камне. Обнаружились пласты чистой меди с зеленоватым налётом патины. Попадались кристаллы прозрачного минерала, который он использовал для создания лезвий острее стали. Были здесь и камни, которые он не мог идентифицировать: тяжёлые, с металлическим блеском, или лёгкие, пористые, как губка. Он начал собирать образцы. В пещере появился новый «алтарь» — плоская плита из песчаника, на которой он раскладывал свои находки: кусочки руды, кристаллы, странные окаменелости. Это была его сокровищница, его связь с этим миром. Уверенность пришла незаметно. Она поселилась вместе с теплом куртки из тюленьей шкуры, с тяжестью копья в руке и знанием того, что в тайнике есть запас еды на неделю вперёд. Он знал, что завтра будет новый день. День для исследования новой расщелины. День для наблюдения за брачным танцем гигантских ящеров. День, чтобы просто сидеть у входа, смотреть на бушующее море и чувствовать абсолютное спокойствие. Он был один во вселенной, но не был одинок. У него был дом. Была своя земля. И он был её полноправным хозяином. Память о прошлом всё ещё зияла пустотой, но теперь эта бездна не пугала. Она стала частью его истории, которая началась здесь и сейчас, на краю каменной пустоши под низким небом чужой планеты.

Хищники!

Местное светило Антарио только миновало зенит; до наступления долгой, вязкой ночи оставалось ещё несколько часов. Охотник, чьё имя давно стёрлось под гнётом выживания, первую половину дня наблюдал за многочисленным стадом тюленей. Обессиленные долгой миграцией из южного полушария, они безмятежно дремали на чёрном базальтовом берегу. Их жирные, лоснящиеся туши были слишком соблазнительной целью. Ночь обещала быть светлой: газовый гигант «Кеплер-2026GG-Доминик», висящий низко над горизонтом, заливал пустошь призрачным мертвенным светом. К тому же, судя по всему, будет тепло. Это давало шанс. До наступления темноты он успеет вернуться в своё убежище — глубокую сырую пещеру в скалах, но сейчас у него были иные планы. Он решил не тратить драгоценные силы на обратный путь. Ему нужен был отдых. Он вскарабкался на вершину крутого утёса, откуда открывался отличный обзор на стадо и подходы к нему. Пустошь неохотно делилась своими тайнами и брала за них высокую цену. За последние месяцы охотник трижды был на волосок от смерти.

В первый раз он сорвался в ледяную расщелину во время охоты на снежных крыс. Падение казалось бесконечным, но в последний миг пальцы, сведённые судорогой от холода, намертво вцепились в крошечный каменный выступ. Ему понадобилось несколько часов, чтобы выбраться наверх.

Во второй раз он чуть не стал добычей. Одна из гигантских птиц-птеродактилей, что слетались с высоких гор поохотиться на морскую живность, спикировала на него с пронзительным

визгом. Острые когти оставили глубокие борозды на плече и спине. Он выжил лишь потому, что успел укрыться в узкой каменной нише, куда не мог пролезть крылатый хищник.

А в третий раз его подвела беспечность. Он отравился ядом смертельно ядовитой железы безобидного на вид пушистого зверька, похожего на морскую свинку. Нейротоксин действовал медленно: долгие дни ушли на лечение ран от когтей птицы и выведение отравы из организма. Тогда он чётко уяснил: всё живое, что летает, ползает или бежит в пустоши, желает лишь одного — убить тебя и сожрать.

Устроившись в небольшой выемке скалы, защищённой от пронизывающего ветра, мужчина подложил под голову выдавший виды вещмешок. Он закрыл глаза, чувствуя, как гудят натруженные мышцы. Сон пришёл мгновенно — тяжёлый, восстанавливающий силы перед ночной охотой.

Что-то вырвало его из забытья — не звук и не свет. Шестое чувство, отточенное месяцами выживания, подало сигнал тревоги. Тихий, но острый, как лезвие обсидиана. Он лежал, вслушиваясь в шум прибоя, понимая: что-то не так.

Бесшумно, как тень, охотник поднялся. Осторожно выглянув, он впился взглядом в прибрежную полосу. Даже сквозь плотный полог свинцовых туч, скрывавших гиганта, его глаза, привыкшие к мраку, различили главное — движение. Стадо тюленей, обычно беспокойное, застыло. Тысячи животных сбились в плотную безмолвную массу, уставившись в одну точку на берегу. А там, у самой кромки воды, происходило нечто странное. Безжизненное тело одного из них медленно скользило по мокрой гальке прочь от моря, в сторону тёмного зева расщелины.

Не было слышно ни борьбы, ни рычания. Казалось, тушу тянула сама земля. Инстинкты сработали раньше разума. Любопытство и первобытная осторожность заставили покинуть безопасное лежбище. Прижимаясь к влажным скалам, он начал спускаться вниз, двигаясь параллельно невидимой силе. Его дыхание казалось оглушительным громом. Он подобрался к узкой расщелине, откуда исходила угроза.

Из её глубин доносились низкое урчание и шорох трущейся о камни верёвки. Затаив дыхание, он заглянул внутрь. В абсолютной черноте глазам потребовалось время, чтобы хоть что-то разобрать. Сначала — лишь движение нескольких сгустков ещё более плотной тьмы. Затем свет «Доминика», пробившийся сквозь трещину сверху, на мгновение выхватил детали, которые навсегда отпечатались в памяти. Три фигуры. Гуманоидные, двуногие. Это вызвало первый всплеск узнавания. Но всё остальное кричало об обратном. Тела худые, покрытые гладкой блестящей кожей, похожей на хитин. Движения резкие, рваные, лишённые человеческой плавности.

Они стояли вокруг туши, натягивая толстую верёвку из грубой лианы. На конце был закреплён тяжёлый гарпун, глубоко вошедший в череп животного. Они работали молча, слаженно, как единый организм. Один из них почувствовал сквозняк и резко повернул голову ко входу. Охотник успел разглядеть лицо... если это можно было назвать лицом. Маска, в верхней части которой ярко горели три точки, а с боков свисали длинные дреды-щупальца.

Охотник прижался к камням всем телом, стараясь стать невидимым. Холодный пот пробежал по его спине, несмотря на ночную прохладу. Животный ужас сковал мышцы. Это был не страх перед зверем. Это был глубинный, генетический ужас перед чем-то чуждым, абсолютно враждебным и разумным. В голове, сметая остатки амнезии, вспыхнуло одно ясное слово из самых тёмных уголков подсознания:

Хищник!

Это были не животные. И не дикари. Это охотники другого вида. Теперь он знал, что здесь не один. И что сам, возможно, уже давно является частью их угодий.

Глава 2

500 лет назад... Охотничье угодье.

Слова предводителя, Великого Вождя клана «Когти Судьбы» Кхор'Раха*, передаваемые по внутренней связи корабля, прозвучали как окончательный вердикт. Его голос, пропущенный через вокодер боевого шлема, был лишён эмоций, но каждый воин почувствовал торжество момента.

— Это именно то, что мы так долго искали, — пророкотал он. Взгляд сквозь обзорный экран скользнул по бескрайней каменной пустоши, а затем поднялся к буйной зелени, поглотившей внутренние склоны кратера. — Здесь наша слава будет вечной.

Огромный корабль, похожий на чёрную обсидиановую пирамиду, медленно оторвался от края обрыва. Он завис над мёртвым базальтовым полем, идеально ровным после древнего извержения, словно природа сама подготовила посадочную площадку для богов. С гулом выдвинулись массивные опоры, и многотонная махина опустилась на планету с грацией хищного зверя, ложащегося в засаду. Приказ был отдан. Миссия началась.

Для них, «Хищников», эта планета не была миром для колонизации или добычи ресурсов. Она была величайшим охотничьим угодьем во вселенной. Каменная пустошь станет их тренировочным полигоном, где они будут учиться выслеживать жертву в суровых условиях, полагаясь лишь на тепловое зрение и интуицию. А джунгли... это уже арена для настоящих воинов. Там, в лабиринтах гигантских папоротников и топких болотах, обитают твари, чья ярость заставила бы дрогнуть любое другое существо в галактике.

Они прилетели сюда не просто охотиться. Они прилетели стать легендой. Каждый клан пришлёт своих лучших воинов, чтобы пройти последнее испытание: убить самое свирепое животное, что породила вселенная, и принести домой его череп. И теперь этот мир принадлежит им.

Великий вождь ступил на базальтовое плато первым. Под тяжёлым ботинком захрустели осколки вулканического стекла — эхо катаклизма, случившегося миллионы лет назад. Он не чувствовал ни благоговения, ни страха. Лишь холодное удовлетворение охотника, нашедшего идеальное угодье. Воздух здесь был густым и влажным, пахнущим озоном после недавней грозы и сладковатой гнилью водорослей впереди.

Взяв двух лучших воинов, чьи доспехи мерцали, подстраиваясь под серый пейзаж, он двинулся вперёд. Группа шла молча, следуя по извилистому руслу ручья, служившему естественным ориентиром. Цель проста: выйти к берегу моря, чтобы оценить фауну прибрежной зоны.

Они вышли из ущелья внезапно. Перед ними раскинулась широкая полоса гальки. У самой кромки тёмной воды стояли чужие корабли — два драккара. Их резные носы с головами дракона были нацелены в небо, а на берегу сустились фигуры в мехах и кольчуге.

Викинги. Дети холодного мира, чья жизнь — вечная битва. Они пришли за тем же самым — за славой, достойной песен скальдов*. Их ведун* наклонился над водой, наполняя кожаные бурдюки, когда один из «Хищников» случайно пнул камень. Звук был тихим, почти неразличимым. Но для этих видов убийц тишина была родной стихией. Взгляды встретились одновременно. В глазах викинга вспыхнула первобытная ярость берсерка. В линзах шлема чужака зажёгся холодный огонёк азарта. Всё было предрешиено. Убить или умереть.

Не прозвучало ни клича, ни вызова — лишь глухой удар камня о камень разорвал тишину. Две машины смерти сцепились мгновенно. Первый «Хищник» сорвался с места не как живое существо, а как смерть, обретшая плоть. Но он не успел преодолеть и половины дистанции. В воздухе запела сталь иного рода. Десятки стрел издали протяжный свист почти одновременно. Небо потемнело от тучи древков. Это был не залп солдат, а буря, ураган из дерева

и железа. Стрелы били по броне, высекая искры, застревали в сочленениях, вонзались в щели визоров. Один из телохранителей пошатнулся: древко толщиной с палец пробило наплечный сервопривод, заставив руку повиснуть плетью. Для обычного человека это была бы смерть. Для воина клана — досадное неудобство.

Но это было только начало. На плато хлынула волна из меха и безумных глаз. Их были десятки против троих. Северяне атаковали хаотичной ревущей лавиной, где каждый сам за себя, но их ярость создавала единый сокрушительный фронт.

Второй телохранитель вскинул наплечную пушку. Красный луч прорезал воздух, испепелив сразу троих, чьи щиты не выдержали жара. Воздух наполнился тошнотворным запахом горелого мяса. Это был единственный его успех. Десятки других немедленно перестроились, используя тела павших братьев как укрытие или принимая следующий залп на окованные железом щиты. Дерево вспыхивало, обугливалось, но держало. Викинги падали, кричали, сгорали заживо, но не останавливались. Полыхая заживо, они продолжали движение на врага. Рослый берсерк, чья борода была украшена костями врагов, схватился с первым «Хищником». Удар секиры столкнулся с энергетическим клинком. Поле выдержало, но отдача вибрации прошла по руке чужака до плеча, сбивая прицел. Викинг использовал миг замешательства, чтобы толчком щита отбросить врага прямо под траекторию полёта тяжёлых топоров.

В бой вступил сам Великий вождь «Хищников». Его копьё пронзило грудь ближайшего воина быстрее, чем тот успел замахнуться мечом. Древко сломалось, но в руке уже материализовался изогнутый клинок. Он двигался как ртуть, оставляя за собой след смерти. Головы катились по земле, тела разваливались надвое, кровь щедро орошала чёрный базальт. Бой превратился в мясорубку. Планета принимала первую жертву. Поле завалено телами. Десятки храбрых северян лежали мёртвыми, сожжёнными плазмой или разрубленными. Кровь чужих смешалась на камне с человеческой. Цена победы ужасающа.

И тогда сработала тактика Ярла Бальдвина. Пока лучшие бойцы связывали пришельцев боем, десяток отборных воинов обошёл место схватки по широкой дуге. Используя складки местности и тела павших как прикрытие от смертоносного наплечника, они вышли во фланг одному из «Хищников». Телохранитель заметил угрозу слишком поздно. Он развернул пушку, но залп ушёл в пустоту, лишь оплавив базальт. На него обрушился град ударов со всех сторон. Щиты блокировали удары когтей, копья жалили в суставы, чей-то топор с хрустом вошёл в бедро, перерубая гидравлические шланги экзоскелета. Воин упал на колено. Это была агония. Ещё один удар снёс ему голову вместе со шлемом.

Великий Вождь Кхор'Рах остался один. Он видел их свирепость. Видел бесстрашие. И цену победы. Его отряд уничтожен. Трое убили тридцать. Планета приняла дань кровью. Численное превосходство и первобытная ярость оказались уравнением, которое технология не смогла решить. Ярл Бальдвин, покрытый чужой и своей кровью, шагнул вперёд. Его клинок нашёл щель в доспехах ослабевшего вождя, а топор вошёл от плеча до груди.

Последний вздох Великого охотника галактики стал хриплым стоном, заглушённым рёвом победителей. Он пришёл сюда как высший хищник. Но вступив на эту планету, он был обречён. Ибо нет в пустоши существа более свирепого и искусного в убийстве себе подобных, чем человек. Человек, чьё сердце не знает страха, а воля выковывается в горниле бесконечной войны. В тот день величайший охотник пал не от когтей космического монстра, а от удара простого топора, нанесённого рукой варвара. Это была встреча равных. Битва за право называться повелителями этого мира.

***Кхор'Рах** — Великий охотник и мудрый лидер.

***Скальд** — Древнескандинавский (норвежский, исландский) поэт-певец.

* **Драккар** — это деревянный корабль викингов.

* **Берсерк** — это воин из древнегерманской и древнескандинавской мифологии, который отличался неистовостью в сражениях, потерей контроля над собой и способностью впадать в состояние боевого экстаза.

* **Ярл** — один из высших титулов в иерархии средневековой Скандинавии, а также само сословие знати.

***Ведун** — провидец.

Прах к праху.

Ветер, пахнувший солью и гарью погребального костра, трепал седые косы Ярла Бальвина. Он стоял на пепелище, где всего час назад ревело пламя, пожирающее тела павших в великой битве. Тысячу лет пути от колыбели человечества, тысячу световых лет ледяной пустоты — всё ради этого мира. Но планета оказалась жестокой хозяйкой. Она не приняла их цивилизованную суть: её гравитация неумолимо стёрла из ДНК маркеры слабости и технологий — разбудив древние гены тех, кем были их предки на далёкой Земле. Гены воинов фьордов, безжалостных охотников, для которых смерть в бою была высшей наградой. Сегодня они исполнили священный долг.

Северяне провожали своих братьев по оружию в чертоги Всеотца, а павших врагов, чья раса была неизвестна даже мудрейшим из скальдов, — к их чуждым богам. Битва была славной. Враг был силен, но ярость берсерков и мудрость ярла помогли взять верх. Вождь уже собирался развернуться к берегу, где у кромки воды ждали драккары с верной, но изрядно поредевшей дружиной, когда его взгляд зацепился за странный блеск среди серого пепла. Предмет, похожий на плоский металлический диск, лежал нетронутый огнём. На его гладкой поверхности темнели незнакомые угловатые иероглифы. Именно эту пластину носил на груди вожак поверженных — тот, что пал от руки самого Бальвина. Любопытство пересилило усталость. Ярл аккуратно поддел край находки остриём тяжёлого клинка и приподнял её над землёй. Металл, только что бывший в самом чреве адского пламени, обжигал холодом. От него веяло могильным морозом, словно он впитал эссенцию космической бездны, откуда прилетели пришельцы.

Бальдвин нахмурился. Это было не просто украшение вождя. Это был артефакт, осколок чужой технологии, переживший тысячелетия и огонь битв. Нехорошее предчувствие сжало грудь старого воина. Он сорвал со своих плеч тяжёлый меховой плащ и бережно завернул в него холодный «диск», стараясь не касаться металла голыми руками. Сверток получился увесистым. Взяв на плечо этот странный груз, Ярл Бальдвин устало зашагал прочь от пепелища. Каждый шаг давался с трудом, мышцы гудели после боя, но спину он держал прямо. Он шёл к своим драккарам, к своим хирдманнам*, которые молча ждали возвращения своего конунга*. Он нёс с собой не просто добычу: он нёс тайну. И эта тайна была холоднее льда Утгарда*.

* **Конунг** — древнегерманский термин для обозначения верховного правителя.

* **Хирдманн** — боевой дружинник в Скандинавии эпохи викингов (VIII–XI века).

* **Утгард** — в германо-скандинавской мифологии трансцендентный мир, «внешний» по отношению к земному миру Мидгарду, где обитают люди.

Глава 3

Прошло сотни лет... Штурм.

Штурм не прекращался ни на мгновение, превратившись в бесконечную грохочущую агонию. Небо над древним городом, веками служившим оплотом для гордого народа горцев, почернело от дыма пожарищ и густой завесы из тысяч стрел. Свинцовый смрад горящего дерева и смолы смешивался с тошнотворным запахом свежей крови и нечистот, превращая атмосферу в едкую смесь, обжигающую легкие. Каждый вдох давался защитникам с трудом, а каждый выдох оседал облачком пара в стылом воздухе, который скоро станет багровым от их собственной крови.

Внизу, у подножия циклопических стен, кипел настоящий ад. Захватчики и их северные наёмники — дикие гиганты с бледной кожей, поросшие густыми бородами, с глазами цвета голубого льда — накатывали бесконечными волнами. Это была не армия, а живая ревущая стихия. Их ряды казались сплошной стеной из окованных железом щитов, над которой щетинился частокол копий и хищно поблескивали лезвия боевых топоров. Они шли вперёд без жалости, подгоняемые жаждой наживы и приказом вождей.

Сверху на эту копошащуюся массу обрушивался смертоносный град. Стрелы с глухим стуком вонзались в дерево щитов, пробивая кольчуги и шлемы. То тут, то там в плотных рядах захватчиков образовывались бреши, когда очередной воин падал навзничь с оперённым древком в глазнице или горле. Но на его место тут же вставал другой, перешагивая через ещё теплое тело товарища, и стена щитов смыкалась вновь, неумолимо продвигаясь к твердыне.

Но главный ужас исходил от тарана. Это было воплощение неотвратимой механической жестокости: могучая конструкция из цельного ствола векового дуба, окованная сталью и подвешенная на толстых цепях. Десятки наёмников, лоснящихся от пота и грязи, раскачивали это чудовище в едином нечеловеческом ритме. Каждый удар сотрясал землю и заставлял вибрировать камни древней цитадели.

БАМ! — первый удар лишь заставил дубовые ворота содрогнуться.

БАААМ! — второй сорвал массивную железную накладку.

БААААМ! Третий проломил первую доску, и в образовавшуюся щель брызнул веер острых щепок.

С каждым сокрушительным ударом створки стонали, как живое существо. Дуб трещал и лопался, исторгая фонтаны щепы, калечившей лица тех, кто стоял слишком близко. Это был звук самой гибели — методичный, ритмичный грохот, отсчитывающий последние мгновения свободы города. Он звучал громче криков раненых, громче рёва рогов. Звук неизбежности. С каждым толчком дубовые створы поддавались всё больше, прогибаясь внутрь под чудовищным давлением стали и мускулов. Защитники видели, как рушится их последняя надежда, и понимали: ещё несколько таких ударов — и путь будет открыт, впуская волну ничем не сдерживаемого насилия.

Очередной толчок, сотрясший саму землю, стал последним. Вековые ворота, хранившие покой многих поколений, не выдержали натиска. Раздался оглушительный треск ломающегося дерева и рвущегося металла, и массивные створки рухнули внутрь, подняв тучу пыли. Этот звук стал погребальным звоном для города.

В образовавшийся пролом хлынула не армия, а первобытная бесформенная стихия. Сплошная волна из стали и звериного меха, ошетилившаяся лесом копий, топоров и секир. Тысячи ног в тяжелых сапогах с железными подковками топтали поверженные ворота, и вся эта масса с нечеловеческим утробным рёвом растеклась по улицам. Это была лавина разрушения. Захватчики не шли — они сметали всё на пути. Врывались в дома, круша двери и вышибая окна. Пламя мгновенно охватывало соломенные крыши, и вопли жителей тонули в треске

пожара. На узких улочках завязывались короткие яростные схватки. Горстки защитников — кузнецы с кувалдами, старики с рогатинами, юноши с кухонными ножами — бросались на закованных в броню воинов. Их героизм до последнего вздоха был обречён.

Удар боевого топора раскалывал щит вместе с черепом. Выпад копья пронзал тела насквозь. Тяжелый сапог опускался на лицо упавшего, превращая его в кровавое месиво. Захватчики не брали пленных. Они оставляли за собой лишь абсолютное опустошение.

Улицы превратились в бойню. Повсюду, в черной жиже, лежали изуродованные тела. Их лица застыли в гримасах боли. Руки всё ещё сжимали бесполезное оружие. Под ними растекались густые тёмные лужи, которые смешивались с грязью, превращаясь в липкую багровую жижу. Воздух пропитал тяжёлый металлический запах свежей крови, гарь и кислая вонь выпущенных кишок. Каждый дом стал братской могилой для тех, кто сражался за свой очаг до конца.

Беги!

Королева-мать Фрейя, чьи пальцы побелели от напряжения, ворвалась в свои покои, волоча за собой юную дочь Эрику. Её прекрасное лицо было искажено маской первобытного ужаса, а дыхание с хрипом вырывалось из груди. Она не вбежала — она вломила в комнату, спасаясь от звуков резни, которые уже доносились из коридоров дворца: криков, звона стали и утробного рёва захватчиков.

Не медля ни секунды, она навалилась всем телом на тяжёлый дубовый засов, с грохотом опуская его в пазы. Удар металла о металл прозвучал как похоронный колокол. Дверь содрог-

нулась от мощного толчка снаружи — кто-то уже ломился внутрь, но засов пока держал. Времени почти не оставалось.

Королева метнулась к стене. Её рука лихорадочно зашарила по холодным камням кладки. Пальцы нащупали едва заметную трещину. Она нажала со всей силой отчаяния. Один из камней беззвучно ушёл вглубь стены, повинаясь древней магии или хитрости строителей.

В дальнем углу просторной комнаты раздался скрежет ржавого железа, от которого стыла кровь. Широкий, богато украшенный гобелен, изображавший мирную охоту, дрогнул и отъехал в сторону вместе с участком каменной стены. За ним зиял чёрный провал потайной двери, ведущей к узкому ходу и призрачной надежде на спасение. Из тёмного проёма пахло сыростью и могильным холодом.

Мать грубо, почти жестоко схватила дочь за плечи и подтащила к этой чёрной дыре. В последний миг она ослабила хватку и вместо этого крепко, судорожно обняла девушку, словно пытаясь вдавить её в себя, защитить своим телом от всего мира. Королева заглянула дочери в глаза. Этот взгляд был невыносим. В нём смешались всепоглощающая материнская любовь, животный ужас перед надвигающейся гибелью и ледяное, абсолютное осознание конца.

— Беги! — выдохнула она, и это слово было похоже на предсмертный хрип. — Не оглядывайся! Что бы ты ни услышала... что бы ни случилось... они не должны найти тебя!

Королева-мать содрогнулась всем телом. Её взгляд метнулся к двери, которая уже ходила ходуном от ударов. Время вышло.

— Только выживи, выживи несмотря ни на что, — закончила она с леденящим спокойствием приговорённой, — ради меня. Ради нашего народа.

Её голос сорвался. По щеке скатилась слеза, оставив чистую дорожку на покрытой пылью и копотью коже. Она с силой толкнула дрожащую девушку в темноту хода. А затем, выпустив дочь, королева-мать резко повернулась. На её лице больше не было страха — лишь суровая, трагическая решимость.

Она шагнула обратно в комнату, навстречу грохоту ломаемой двери, чтобы встретить свою судьбу и дать ребёнку несколько драгоценных секунд форы. В руках блеснули острые кинжалы. Её жертва началась.

Хаос .

Как только сопротивление было сломлено, начался грабеж. Захватчики врывались в дома. Всё ценное выносили подчистую: инструменты, одежду, ткани, меха, еду. Домашнюю утварь разбивали в поисках спрятанных монет. Священные реликвии из храмов выбрасывали на улицу и топтали ногами. Женщины стали главной целью опьяневших от победы варваров. Насилие творилось прямо на улицах. Матери прятали дочерей в погребах, но их находили и там.

Время приближалось к полуночи, но тьма над павшим городом была неестественной, живой. Её рвали лишь оранжевые сполохи пламени и прыгающий свет факелов. Сквозь дымящиеся ворота текла бесконечная река победителей. Они сновали туда-сюда, словно муравьи-людоеды, волоча окровавленные ковры, связки мехов и домашнюю утварь. Воздух был густым и едким, пропитанным гарью догорающих крыш и тошнотворно-сладким запахом свежей крови.

Принц Радомир шёл сквозь этот ад, и каждый его шаг отдавался глухой яростью в груди. Он был здесь своим по крови и титулу, но сейчас чувствовал себя чужаком, случайно забредшим в преисподнюю. Он видел всё. Видел, как его воины, его «братья», с хохотом врываются в жилища. Слышал крики девушек, которым не суждено было пережить эту ночь. Видел, как добивают раненых защитников, просящих о пощаде. Видел старика, пытавшегося закрыть собой проход и зарубленного просто так, для забавы. Это была не война. Это была вакханалия зверей, упивающихся властью над беззащитными.

Сжав зубы так, что заныли скулы, он направился к цитадели — последнему высокому островку сопротивления в море хаоса. Там должен был находиться его отец, король Казимир Завоеватель.

Дверь в тронный зал была сорвана с петель. Внутри пахло смертью. Посреди зала на полу лежали тела. Могучий старик с седой бородой, вождь клана «Поющих Гор» и король Эвандер, пронзённый несколькими копьями; рядом — его супруга, королева-мать Фрейя, чьё прекрасное лицо застыло в маске немого ужаса; чуть поодаль — тела двух принцев, Малкольма и Бриана, изрубленных в последней схватке. А над этим алтарём скорби глумились победители. Опылённые вседозволенностью варвары окружили последнего живого защитника в зале.

Юная принцесса нарушила предсмертный наказ матери и вернулась в пылающую цитадель. Она была ещё совсем ребёнком, но в ней проснулась ярость истреблённого рода. С безумными, широко распахнутыми глазами, в разорванном платье, едва державшемся на плечах, она сжимала обеими руками тяжёлый меч отца. Оружие было слишком велико для её тонких рук, но она размахивала им с отчаянием загнанного зверя. Силы быстро покидали её. Она не нападала — это был танец отчаяния. Она защищала мёртвых.

— Смотрите, как дрожит птичка! — гоготал рыжебородый наёмник, пиная сапогом тело одного из принцев.

— Оставьте её мне на ночь, и она станет шелковой! — вторил ему другой, с гнилозубой ухмылкой делая шаг вперёд.

Её взгляд скользнул по телам. Отец-король с застывшим гневом на лице. Мать-королева... Её мир лежал здесь, растоптанный и холодный. Она поняла всё. Поняла абсолютную безысходность. Поняла, что живой отсюда не выйдет. В оглушительном хохоте варваров, встретившем её жалкий выпад, она приняла решение. Это был единственный выбор. Её пальцы сжали рукоять до побелевших костяшек. Одним ловким, отчаянным движением, никак не вязавшимся с её измождённым видом, она перевернула тяжёлый клинок острием к себе. Холодная сталь уткнулась ей в сердце, пронзив тонкую ткань платья. На долю секунды время остановилось. Она в последний раз окинула взглядом тела родных. В её глазах читалась не мольба о спасении — лишь отчаянная молитва о скорой встрече за гранью. И девушка с криком бросилась на ближайший каменный выступ.

— НЕТ! — крик Радомира прорезал воздух подобно раскату грома.

Это был не крик ярости. Это был приказ, продиктованный инстинктом самосохранения чужой души. Он среагировал мгновенно. Его клинок вылетел из ножен со скоростью молнии и со звоном ударил по гарде меча принцессы за долю секунды до того, как эфес коснулся бы камня. Меч вылетел из её ослабевших рук и покатился по полу. Но инерция броска никуда не делась. Сила собственного порыва швырнула её вперёд. Принцесса с глухим стуком ударилась о холодную стену. Удар выбил из лёгких остатки воздуха. Её тело обмякло и сползло вниз, рухнув на окровавленный пол бесформенной грудой тряпья.

В зале повисла тяжёлая, звенящая тишина. Пьяное веселье сменилось глухим ропотом разочарования. Король Казимир Завоеватель медленно вышел из тени колонны. Он провёл рукой по лицу, словно стирая невидимую грязь.

— Что ты наделал... — глухо произнёс он, глядя на сына. В его голосе не было гнева — лишь бесконечная усталость от вида человеческой слабости.

Его братья, Яромир и Святогор, выругались с досады, сплюнув на пол. Их лишили зрелища и добычи. Принцесса лежала без сознания. Она была жива. Но её душа только что разбилась о стену тронного зала вместе с последним ударом сердца её надежды.

Город пал. Его гордое сердце вырвали и втоптали в грязь. Повсюду валялись тела убитых защитников. Немногие выжившие жались друг к другу в центре площади — измождённые, потерявшие всё. Гордость народа горцев была растоптана. Их независимость уничтожена не столько силой оружия, сколько жестокостью победителей. Победители получили горы награбленного добра, но потеряли человеческий облик. А выжившие навсегда запомнили эту ночь как конец своей истории, лелея теперь лишь одну мысль — месть, которая тлела в сердцах среди пепла родного очага.

В путь!

Драккары, низко осевшие в воде под тяжестью награбленного золота, мехов в окованных железом сундуках, медленно растворялись в серой дымке у горизонта. Они уходили сытые, отяжелевшие, оставляя на берегу лишь смрад гниющих отбросов трёхдневного пира да чёрные язвы пожарищ.

А по разорённой земле, прочь от дымящихся руин некогда гордого города, змеилась многокилометровая колонна пеших воинов. Захватчики шли не строем — грязной, измождённой ордой. Каждый тащил свою долю: кто взвалил на плечи тяжёлый гобелен или связку серебряной посуды, кто волок за собой грубо сколоченную волокушу с трофеями. Над этой процессией висела густая пыль, поднятая тысячами ног, смешанная с запахом пота и звериных шкур.

В королевском шатре, разбитом на холме с видом на дымящуюся долину, воздух был спёртым, пахло кожей, вином и металлом. Король Казимир, чья кольчуга была забрызгана чужой кровью, а лицо почернело от копоти и усталости, закончил отдавать отрывистые приказы сотникам. Когда полог опустился, он ещё долго стоял молча, глядя на сына. Принц Радомир замер, ожидая решения своей судьбы и участи той, кого он спас. Взгляд короля был тяжёл, как

могильная плита. Он смотрел на Радомира так, словно видел перед собой не родного ребёнка, а досадную помеху, камень на дороге к абсолютной власти. Решение было принято давно, но произнести его вслух казалось равносильным яду.

— Видимо, сами боги рукой моего сына решили сохранить ей жизнь... — наконец промолвил король глухим, надтреснутым голосом. Это были слова не отца, а монарха, взвешивающего политические риски. — Но её не должно быть в наших землях никогда. Для всех нас будет лучше, если она исчезнет. Исчезнет навсегда, как и весь её род, до последнего младенца. Ты же понимаешь это, сын?

Радомир выдержал этот взгляд. В его глазах не было ни вызова, ни страха — лишь стальная решимость.

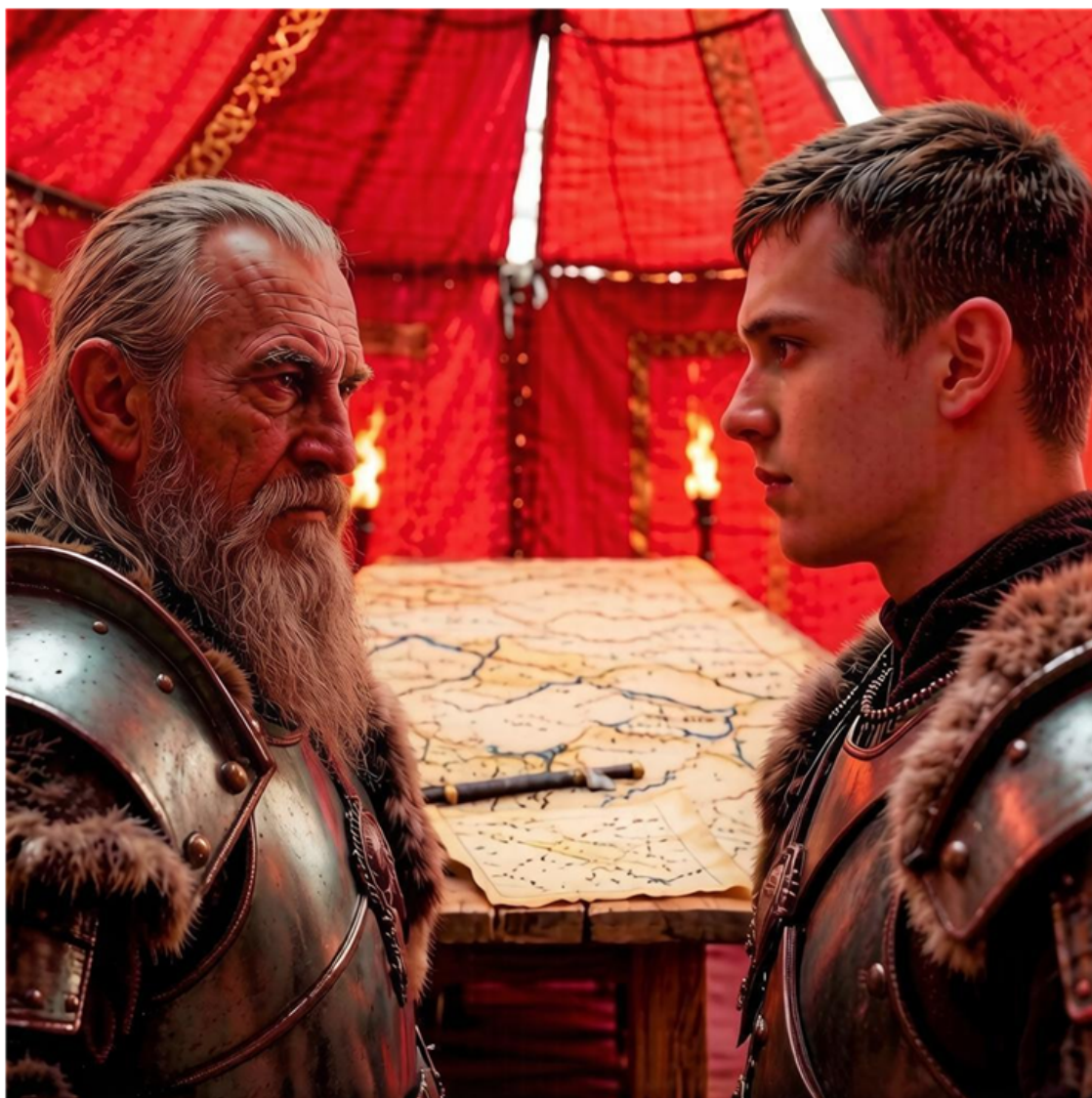
— Да, отец, понимаю. И поэтому я лично отвезу принцессу Эрику к её дяде, Ярлу Рагнару, в забытый богами край у Великой Каменной Пустоши, — ровно ответил принц.

Его голос звучал спокойно, но в нём звенела скрытая сталь. Король Казимир медленно кивнул, будто эти слова лишь подтвердили его худшие опасения. Он подошёл к карте, расстеленной на походном столе, и ткнул пальцем в точку на самом краю пергамента.

— Это очень далеко, Радомир. На самой границе обитаемого мира. Если ты хочешь вернуться до зимы, тебе следует выдвинуться немедленно. Дороги небезопасны даже для сильного отряда.

— Да, мой король. Я отвезу её и вернусь ещё до морозов, клянусь! — ответил Радомир, прижав кулак к сердцу.

Клятва прозвучала твёрдо, но оба знали, что это ложь во спасение. Оба понимали, что это путешествие может стать дорогой в один конец.

Вечером того же дня, когда багровое солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в цвет пролитой крови, небольшой отряд покинул лагерь. Их было всего четырнадцать: сам принц, десяток верных ему людей, угрюмый ветеран-наставник Сигурд, служивший ещё отцу Радомира, молодой оруженосец Эван, пожилая горничная Ютта и принцесса Эрика. Всадники покачивались в сёдлах, тогда как горничная везла принцессу на тяжело гружённом провизией возу.

Эрика уже не была тем безумным, израненным существом, которое Радомир вырвал из лап смерти в тронном зале. Физически её раны затянулись благодаря заботам лагерного лекаря, но душа умерла там, среди тел родных. Она молчала. Целыми днями смотрела в одну точку, не реагируя на тряску, скрип колёс и голоса мужчин. Её огромные глаза, казалось, смотрели сквозь холст повозки прямо в вечность. Иногда Радомиру казалось, что он везёт не живую девушку, а призрак.

Принц ехал впереди, но мыслями оставался позади, в повозке. Он нёс бремя своего выбора. Спас тело девушки, чтобы спасти собственную душу от проклятия детоубийства, но теперь ему предстояло доставить эту сломленную девочку в каменное изгнание. Он чувствовал ответственность за неё — странную смесь жалости, вины и зарождающегося уважения к силе духа, которая позволила ей выжить после такого удара. Он знал, что король-отец ждёт вестей о её смерти. Любая задержка, любая случайность на этом пути могла стать смертным приговором. И каждый вечер, разбивая лагерь в укромном месте, он первым делом проверял,

дышит ли она, жив ли ещё этот хрупкий огонёк, который он поклялся защищать вопреки воле собственного отца.

Чужой мир.

Ради безопасности пришлось пожертвовать скоростью, выбрав самую долгую дорогу: путники намеренно огибали уходящую за горизонт каменную стену. Это был шрам, который человечество оставило на теле планеты, отчаянно пытаясь отгородиться от первобытного ужаса.

За первую сотню лет, обладая самыми передовыми технологиями, колонизаторы смогли лишь возвести города-крепости и этот колоссальный вал, бросив на это всю свою бесчисленную армаду строительной техники, пытаясь отсечь экваториальную часть планеты — дикий, необузданный мир, так и не покорившийся человеку, а лишь терпевший его присутствие на своей поверхности.

Экватор представлял собой единый, бескрайний организм — океан хищной плоти. Флора и фауна этой необузданной планеты были настолько дико переплетены, что за первое же столетие они перемололи всё, что напоминало колонистам об их цивилизации.

Однако в этом сокрушительном поражении крылось и спасение — горькое, как сок ядовитых растений экватора. В мире, где технология оказалась хрупким прахом, бессильным перед всепожирающей биологической мощью планеты, единственным верным инструментом выживания стала эволюция.

Судьба привезённой с Земли жизни была жестока: большая её часть погибла в первые же десятилетия, не выдержав конкуренции со стороны всепожирающей флоры и фауны планеты, став лишь органическим удобрением для её чуждой ненасытной почвы. Но то небольшое, что приспособилось... Оно не просто выжило. Оно переродилось. Земные организмы мутировали с пугающей скоростью, сливаясь с дикостью нового дома в симбиозе отчаянной борьбы за место под тусклым солнцем. Бактерии научились вырабатывать ферменты, способные нейтрализовать местные нейротоксины, превращая яд в пищу. Многие животные обросли рогами, броней, шкурой или хитином, их чувства обострились до предела. Они уже не были животными Старой Земли; это были химеры, порождённые союзом двух враждебных миров. Больше всего мутации подверглись представители дикой земной жизни, в то время как домашние животные, растительные культуры и человек мало чем изменились.

Так человечество нашло свой новый путь. Города-крепости не были сияющими мегаполисами из стекла и стали. Это был вынужденный шаг назад, архитектурный регресс к раннему средневековью. Люди укрылись в «базальтовых норах», с низкими сводами и метровыми стенами. Им удалось обжить лишь жалкую часть территорий на прохладных и каменистых просторах полюсов.

Мы перестали быть завоевателями, несущими факел разума, и смиренно стали частью экосистемы — ещё одним видом, борющимся за существование. И именно эта новая, химерическая жизнь стала настоящими стражами и хозяевами тех жалких клочков суши, что титаническими усилиями удалось отвоевать у джунглей. Она разрослась и расплодилась на границе вечного льда и зелёного ада, став живым щитом, который ежедневно, ежечасно откусывал у первобытного хаоса территорию, давая людям призрачный шанс выжить.

А что касалось самих колонистов... Их ждала иная, более страшная участь. Лишившись цифровых кладезей знаний, которые планета перемолола в пыль вместе с серверами, и вынужденные заниматься выживанием, а не образованием, они с каждым следующим поколением всё глубже тонули во мрак нового средневековья. Великие научные принципы стирались из памяти, уступая место мифам и суевериям. Сложные механизмы выходили из строя без возможности ремонта, и их секреты забывались. Их мир сужался до размеров каменных стен города-крепости. Цивилизация не погибла в огне войны — она медленно угасала, забытая сво-

ими же детьми, пока люди боролись за каждый кусок хлеба, становясь такими же дикими и первобытными, как мир вокруг них.

Месяц изнурительного пути, выжженный солнцем и вымороженный ледяными ночами, остался позади. Но когда отряд, взобравшись на последнюю, казавшуюся бесконечной грядку, замер на её вершине, все лишения показались ничтожной платой за то, чтобы увидеть это. Перед ними, до самого горизонта, простиралась она — Великая Каменная пустошь. Не просто земля, а исполинский шрам на теле мира. Место, куда, согласно легендам, упала «яркая звезда» — не божественное знамение, а древний, чужеродный корабль, чья катастрофа искажила саму ткань реальности. Из этого искажения родились кошмары: не живые и не мертвые твари, сплетенные из окаменевшей плоти, пульсирующей энергии и самой сути враждебной, непостижимой жизни. Бесчисленное количество людей сгинуло в её бесконечных лабиринтах, и их крики до сих пор эхом блуждали в каньонах из черного базальта.

И прямо из этого первородного хаоса, вырастая из его плоти, подобно опухоли или божественному наросту, в самом подножии циклопической стены виднелось оно. Слово «замок» казалось кощунством, жалкой попыткой человеческого разума классифицировать непостижимое. Это был город-крепость, монолитный бастион, высеченный не из камня, а из самого тела Великой стены. Его циклопические башни, увенчанные массивными куполами-шлемами древних титанов, пронзали свинцовое небо. Между ними паутиной безумного паука тянулись километры подвесных мостов и боевых галерей. На острых шпилях флажштоков безвольно висели выцветшие до состояния призраков знамёна. Замок выглядел абсолютно неприступным. Но вместе с тем он казался заброшенным и одновременно пугающе живым.

— Вот мы и пришли, принцесса, — тихо произнёс Радомир, останавливая коня перед мрачной цитаделью. — Это край обитаемого мира, владения вашего дяди, Ярла Рагнара. Дальше лишь каменные пустоши да старые легенды.

Глава 4

Три года спустя...

Судьба, эта безжалостная ткачиха, обошлась с принцем Радомиром крайне жестоко. Он не мог представить, что через три года вновь окажется у подножия титанической стены — там, где когда-то впервые увидел границу обитаемого мира и преддверие Пустоши, пропитанное безумными легендами. Чувства смешались в калейдоскопе: казалось, это было только вчера — пыль дорог, скрип повозки и безмолвная тень в холсте. И в то же время прошла целая вечность с того дня, как он покидал эти богом забытые земли, оставляя сломленную девочку на вечное изгнание.

Теперь всё изменилось. Пока его братья правили цветущими провинциями королевства, купаясь в роскоши и славе, отец, король Козимир-Завоеватель, отправил его с миссией на самый край континента — в земли, которые на картах значились «не имеющими стратегической ценности». Что скрывалось в том послании? Приглашение к союзу? Ультиматум? Или приказ об изоляции этих территорий перед лицом надвигающейся угрозы? Радомир не знал. Он был лишь клинком, доставляющим волю короля.

Его путь лежал по узкой полосе суши — единственной артерии, соединявшей крепость с внешним миром. Справа высились горные хребты, упирающиеся в небеса неприступными заснеженными вершинами, где жили лишь ледяные ветра да мифические крылатые хищники. Слева простирались смертоносные топи до самого горизонта, булькающие ядовитыми газами и кишащие тварями, порождёнными древним хаосом.

Он стоял в небольшом тронном зале цитадели. Воздух здесь был спёртым, пахло старым камнем и дымом факелов. Дюжина верных людей выстроилась за спиной; их лица были суровы и непроницаемы. С почтением, но без подобострастия, принц передал тяжёлый свиток правителю замка.

На скромном троне сидел Ярл Рагнар — правитель этих земель, седой феодал, чьё лицо было иссечено шрамами не от дворцовых интриг, а от настоящих битв. Он поблагодарил принца за столь неожиданный визит и тут же, сломав сургучную печать, приступил к чтению.

Тишину, нарушаемую лишь треском огня в камине и шуршанием пергамента, прервал громкий режущий слух скрип. Дверь в дальнем конце зала распахнулась с такой силой, что показалось — сейчас слетит с петель. В зал быстрым решительным шагом вошла принцесса Эрика.

От той потерянной девчонки с пустым взглядом не осталось и следа. Перед ними стояла высокая стройная молодая женщина с осанкой королевы и огненно-рыжими волосами, водопадом спадающими на плечи. Она держалась с уверенностью хищника на своей территории. Не спросив дозволения, она встала между сидящим на троне Ярлом и принцем.

— Миледи! Где ваши манеры? — громогласно спросил Ярл Рагнар, отрываясь от свитка. Но Эрика даже не взглянула на него. Её взгляд был прикован исключительно к принцу. Медленной грациозной поступью хищницы она направилась к нему. Каждый её шаг был наполнен напряжением.

— Вы тот самый сын короля Козимира-Завоевателя? Один из тех кровожадных убийц, что жестоко расправились с моей семьёй? — её голос был тихим, но в нём звенела сталь. Она сверлила его взглядом, полным такой концентрированной ненависти, что люди принца невольно сделали полшага назад. В рядах гостей почувствовалось замешательство. Правая рука Эрики медленно, почти незаметно для непосвящённого глаза, скользнула за спину, к рукояти кинжала.

— Миледи! — уже громче и строже окликнул Ярл Рагнар, понимая, что в любую секунду может произойти непоправимое. Охрана ярла, стоявшая по периметру зала у колонн, пере-

глянулась. Напряжение стало почти осязаемым. Люди Радомира, почувствовав тревогу, тоже начали медленно разворачиваться лицом к вооружённой страже замка, их руки инстинктивно легли на эфесы мечей.

— Да, миледи, — с полным ледяным спокойствием ответил принц. — Я тот самый принц Радомир, сын короля Казимира-Завоевателя.

Он не дрогнул, не отступил ни на дюйм.

— И кого же именно из моей семьи вы так вероломно лишили жизни? — продолжала допрос принцесса, подходя всё ближе с грацией хищницы, готовящейся к смертельному прыжку.

— Эрика! — уже не скрывая гнева, рявкнул Ярл Рагнар.

Напряжение в тронном зале достигло пика. Охрана ярла медленно взяла гостей в кольцо, их клинки со зловещим шелестом начали покидать ножны.

— В тот злосчастный день мне довелось лишь раз взмахнуть своим мечом, миледи! — невозмутимо продолжал Радомир, глядя прямо в глаза фурии. — И то лишь для того, чтобы спасти вам жизнь!

Принцесса подошла к принцу вплотную. Её грудь вздымалась от гнева. Она была готова вонзить ему кинжал в сердце прямо сейчас. Но в последний момент её рука дрогнула. Медленно, словно борясь с собой каждым мускулом, она убрала ладонь от оружия.

— Добро пожаловать в Замок Каменных Стражей... принц Радомир... — дрожащим от напряжения голосом произнесла она и, развернувшись, отошла к Ярлу Рагнару, встав подле трона.

Словно по команде невидимого дирижёра, люди принца и охрана замка одновременно выдохнули с облегчением. Сталь со звоном вернулась в ножны. Кризис миновал. Но все понимали: это было лишь затишье перед бурей.

— И чего же хочет от нас король-завоеватель? — Голос её звенел в гулкой тишине, напоенный нескрываемым презрением. Он эхом отразился от древних сводов, заставив стражу снова сжать эфесы. — Уверена, вы проделали этот долгий и смертельно опасный путь не ради наших бесплодных скал, сырых камней и гнилых болот. Может быть, королю Козимиру нужны наши никчёмные жизни? Наше униженное преклонение? Присяга, вырванная из глоток умирающих?

— Он хочет, чтобы я выдал тебя замуж за принца Радомира, — с замешательством в голосе произнёс дядя принцессы, Ярл Рагнар, растерянно глядя на прочитанное послание.

Слово «замуж» взорвало зал подобно грому среди ясного неба. Два голоса — мужской и женский — слились в единый отчаянный вопль неверия:

— Что?!

На обычно невозмутимом лице Радомира застыло выражение полнейшего ошеломления. Сама же принцесса пошатнулась, как от незримого удара. Воздух стал густым и тяжёлым, каждый присутствующий замер, боясь вздохнуть, и лишь переглядывался в полном замешательстве.

Но шок длился мгновение. В следующую секунду тишину разорвал крик, полный жгучей первобытной ненависти и боли, от которого содрогнулись древние стены. Это была уже не принцесса в шелках, а раненая волчица, защищающая своё логово.

— Принц Радомир, ваш отец сошёл с ума! Я лучше сгину в пустоши, позволю чудовищам выпить мою кровь до последней капли, чем выйду за вас замуж! — её глаза метали молнии, лицо исказилось гримасой отвращения. — Чтобы я связала свою судьбу с родом убийц моей семьи?! Да мой отец, моя мать, мои братья проклянут меня с того света, если я совершу такое предательство! Она стояла посреди оцепеневшего зала — воплощение непокоренной ярости.

Повисла гнетущая тишина. Старый ярл подался вперёд, и свет от чадающих факелов выхватил из полумрака его лицо — суровую маску воина, на которой читалась плохо скрываемая досада. Он смотрел на принца как ветеран на юнца, ещё не познавшего вкуса настоящей войны.

— Я хорошо знаю твоего отца, принц Радомир. Мы плечом к плечу отбивали у этой дикой планеты жалкие клочки земли для наших поселений. Я помню его молодым и безрассудным. Я помню его мудрым и безжалостным. Он сделал паузу, обводя взглядом присутствующих. В его глазах плясали отблески огня, но в самой их глубине таился лёд.

— Король Козимир мудр. Он коварен, как северная лисица, и хитёр, как старый змей. И я абсолютно уверен, — Ярл впери в Радомира тяжёлый немигающий взгляд, — что он хорошо всё продумал, прежде чем отправить тебя на другой край света. Это не просто посольство. Это ход в партии, которую он начал разыгрывать ещё до того, как первые вороны принесли весть о гибели её семьи. Ярл тяжело вздохнул и откинулся на спинку трона. Его голос упал до едва слышного шёпота, но в наступившей тишине он прозвучал громче боевого рога.

— Всё, что будет происходить дальше... это не что иное, как воплощение его плана. Каждый наш шаг, каждое слово уже вписаны в его замысел. И только одному ему известно... — он снова замолчал, и эта пауза была страшнее любого проклятия, — ...чем всё это закончится.

Слова старого воина придавили присутствующих тяжестью неизбежности. Принц смотрел на свиток с королевской печатью как на ядовитую змею. Он наконец понял: он был не посланником мира. Он был лишь фигурой на доске своего отца. И партия только началась.

Туман.

Бледный свет едва занимался над восточными холмами, когда Эрику вырвал из объятий сна резкий вибрирующий звук. Это была не трель птицы и не завывание ветра в бойницах — это был хлопок спущенной тетивы со стрельбища у подножия её башни. Принцесса рывком села на ложе, сердце тревожно забилося о рёбра.

Она босиком пересекла комнату по холодным каменным плитам. Ржавые петли окна поддались с протяжным скрипом, обдав лицо волной промозглого воздуха, пахнувшего сырой землёй и вереском. Эрика тщетно всматривалась в густое непроницаемое молоко тумана, скрывавшее мир внизу.

Кутаясь в тяжёлую шкуру гигантского медведя, пропахшую дымом и диким зверем, она сунула озябшие ступни в меховые полусапожки и спустилась по винтовой лестнице. Холодная спираль казалась бесконечной, уходящей в самый камень замка. У подножия башни путь ей преградили двое стражей. Массивная дубовая дверь приоткрылась лишь после короткого кивка внешнего охранника, подтвердившего безопасность.

Мир снаружи укутал плотный саван. Видимость не превышала пяти шагов, но принцесса знала каждый камень цитадели как свои пять пальцев. Она пошла на звук — ритмичный свист рассекаемого воздуха и глухой чавкающий удар о дерево.

Принц Радомир стоял один на стрельбище, окутанный молочной пеленой. Без плаща, в одной простой рубахе, пар от его дыхания смешивался с туманом. Он действовал с механической точностью: брал из плетёной корзины стрелу, накладывал на лук, натягивал тетиву до самого уха и замирал на долю секунды, превращаясь в живую статую. Затем следовал резкий выдох, короткий посвист, и стрела исчезала в белой мгле. Глухой удар эхом отражался от древних стен.

— Что вы здесь делаете, принц? — голос Эрики прозвучал неожиданно даже для неё самой.

Радомир не вздрогнул. Выпустив очередную стрелу, он медленно повернулся. Его поклон был едва заметен — скорее кивок головы, исполненный холодной вежливости.

— Миледи? Я разбудил вас? Прошу прощения. Туманное утро — лучшее время для размышлений.

— Вы же пускаете стрелы в пустоту?

— Это помогает собраться с мыслями и придаёт ясности там, где её нет.

— И какими же мыслями можно занимать себя в такое раннее утро?

— Именно сейчас, миледи, прежде чем говорить или действовать, мы должны очень хорошо подумать о последствиях.

Лицо Эрики мгновенно ожесточилось.

— Принц Радомир, я вчера ясно выразила своё решение. Оно окончательно, и ничто меня не заставит его изменить!

На губах принца промелькнула тень снисходительной улыбки.

— Я много о вас слышал, принцесса Эрика. Ходили слухи, что вы умны и мудры не по годам... Но, видимо, это досужие вымыслы бардов. Вы недалёковидны. Вас ждёт одно: провести жизнь здесь, на краю мира, в этой каменной клетке, без малейшей возможности воплотить то, чего вы жаждете больше всего. Как бы вы ни пытались, вам не подойти к моему отцу и братьям ближе полёта стрелы ради возмездия. Даже к воротам дворца.

Принцесса на миг потеряла дар речи от такой дерзости. Её глаза расширились от искреннего удивления.

— Выйдя замуж за меня, вы получили бы исключительную возможность подойти к убийцам вашей семьи на расстояние вытянутой руки. Но ваш разум затуманен гневом и гордыней, вы неспособны узреть очевидного.

Слова были подобны пощёчине. Гнев захлестнул Эрику с новой силой.

— Вы ещё большее чудовище, чем я представляла! Истинный сын своего отца! — выдавила она сквозь зубы. — Клянусь кровью и пеплом моего дома: я убью вас всех. Чего бы мне это ни стоило!

Не удостоив её ответом, Радомир выпустил последнюю стрелу, опустил лук в корзину. Его голос прозвучал тихо и бесстрастно:

— Что ж, удачи в ваших бесплодных попытках, миледи.

С лёгким поклоном он развернулся и растворился в тумане.

Всему есть место и время.

Эрика стояла неподвижно, глядя на боевой лук в корзине. Её била мелкая дрожь — то ли от холода, то ли от ярости. Вздрогнув, будто очнувшись от морока, она пристально посмотрела туда, куда летели стрелы, тщетно пытаясь пронзить взглядом белёсую стену. Любопытство оказалось сильнее гнева. Медленно ступая по росистой траве, она прошла около пятидесяти шагов сквозь молочное марево и наконец наткнулась на него — плетёный из тростника полтораметровый круг мишени. Он был сплошь утыкан десятками стрел точно в центр.

Это невозможно, — пронеслось в сознании, но мысль эта прозвучала не как приговор, а как вопрос, брошенный в пустоту.

Девушка замерла, разглядывая ошетилившийся пучок древков. В густом тумане эти белые оперения казались не творением рук человеческих, а диковинным цветком, проросшим сквозь дерево. Каждая стрела нашла цель в самом сердце, слившись в единый смертоносный монолит. Физическое воплощение невозможной точности. Доказательство того, что можно бить без промаха, не видя цели.

И в этот миг на неё снизошло прозрение — холодное и ясное, как утренний воздух. Она перевела взгляд с мишени на свои руки, всё ещё сжимавшие медвежью шкуру, затем снова

установилась на плотный пучок стрел. Всё, что кажется невозможным... недостижимым... имеет своё время... и место... — стучало у неё в висках.

Принц был прав. Не в своей надменности, а в сути. Он стрелял в туман, в пустоту, в неизвестность. Он не видел мишень, но верил в её существование. Отсекал лишнее: страх, гнев, жажду немедленной мести. Он видел лишь траекторию и конечную точку. Он развеял туман не перед глазами — он рассеял его в собственном разуме.

Губы Эрики медленно изогнулись в улыбке, от которой повеяло могильным холодом. Это была не радость примирения. Это была ухмылка хищника, увидевшего брешь в броне врага. Ненависть никуда не делась, она лишь сменила маску. Стала холодной, расчётливой и бесконечно терпеливой.

Она поняла всё. Брак — это не капитуляция. Это пропуск за ворота вражеской крепости. Возможность подойти к убийцам её семьи вплотную. Это и есть её стрела. Её выстрел в туман будущего. И теперь она знала, куда целиться. Мгла в её душе рассеялась, уступив место ледяной решимости. Цель была недостижима вчера. Но сегодня... Сегодня её время ещё не пришло. Но оно придёт.

Мысли, словно обезумевший табун вороных коней, оглушительным топотом отдавались в висках, грозя расколоть череп изнутри. Обрывочные, стремительные, противоречивые — пытаясь ухватить каждую, Эрика не заметила, как ноги сами донесли её до массивной двери опочивальни. Лишь захлопнув тяжёлые створки и отрезав себя от внешнего мира, она смогла перевести дух, хотя тишина комнаты давила не меньше, чем недавний гвалт в голове.

Ей предстояло сделать невозможный выбор. Перед ней расстилалась сеть троп, уходящих в неизвестность, и лишь одна, самая коварная и неприметная, могла привести к цели. Любой другой путь означал вечное прозябание на краю света и пожирающую душу ненависть. Ей придётся взвесить всё: каждый риск, каждую ложь, каждую каплю яда, которую предстоит носить в сердце.

Эрика рухнула на кровать и накрылась той же тяжёлой медвежьей шкурой. Простыни обжигали льдом, а подушка хранила отпечаток её головы, словно насмехаясь над поспешным бегством. Свернувшись калачиком, превратившись в беззащитный свёрток из меха и плоти, она закрыла глаза. Измученное сознание, истощённое бесконечным потоком мыслей, вскоре сдалось тревожному сну, полному неясных теней.

В пустошь!

Сон, тяжёлый и вязкий, как болотная трясина, отпустил Эрику лишь к полудню, когда солнце начало клониться к западу. Пробуждение было резким, словно падение с высоты. Она очнулась не от пения птиц или шума ветра, а от звенящей, абсолютной тишины — чужеродной после ночного хаоса мыслей. В висках всё ещё отдавался затихающий топот призрачного табуна.

Служанка, принеся кувшин с тёплой водой, едва не выронила его от волнения. Её голос дрожал: — Миледи... Принц Радомир отбыл. Ещё на рассвете.

Эрика резко села в кровати. Сон как рукой сняло.

— Что значит «отбыл»? Куда?

— На север, в Каменную пустошь, — прошептала девушка, пугливо оглянувшись на дверь. — Они взяли всех своих людей и ушли.

Каменная пустошь. Синоним смерти. Безжизненное плато, продуваемая ледяными ветрами и усеянная острыми скалами. Место, откуда не возвращался никто. Что могло заставить его пойти на такое безумие? Что оказалось важнее их противостояния, её унижения и его триумфа? Вопросы жгли калёным железом. Накинув медвежью шкуру поверх сорочки, Эрика бросилась из опочивальни. Босые ноги не чувствовали холода ступеней. Она взлетела по винтовой лестнице самой высокой башни, задыхаясь от предчувствия непоправимого.

Она нашла Ярла Рагнара там, где и ожидала. Старик стоял у парапета, неподвижный, словно изваяние из серого гранита. Ветер трепал его седую бороду. Он не обернулся, лишь его огромная ладонь с побелевшими костяшками сжала камень зубца. Эрика подбежала к краю. Мир укрывало плотное молочное марево, но даже сквозь него она различила маленькую тёмную колонну, медленно ползущую на север. Отряд казался горсткой муравьев на спине мёртвого гиганта.

— Это безумие! — выдохнула она. — Зачем он пошёл туда? Надо срочно вернуть их!

Ярл медленно повернул голову. На лице старика застыла маска вековой усталости.

— Вернуть? Дитя... Свадьба — это политика. А там, — кивок в сторону исчезающей точки, — смерть. Он ищет то, что лучше оставить погребённым подо льдом. Он ищет Сердце Пустоши.

Надежда на глупую бравату растаяла вместе с силуэтами в тумане. Он ушёл навстречу ужасу древних легенд. И её тщательно выстроенный план мести в один миг потерял всякий смысл перед лицом этой безрассудной реальности.

Вихрь лихорадочной деятельности охватил башню. Теперь это была воительница, чье сознание работало с холодной точностью клинка.

— Мою походную одежду! Весь боевой арсенал! Каждый кинжал, каждый метательный нож! Заверни в шкуру и спусти во двор! — рявкнула она служанке.

Девушка опрометью бросилась выполнять приказ. Эрика подбежала к узкому окну-бойнице:

— Эй, ты! Седлай двух вороных! Самых выносливых! Живо! Затем она обернулась к горничной: — Собери провизии! Мясо, сыр, хлеб и мехи с водой! На два дня пути!

Эрика одевалась с яростью берсерка, затягивая ремни доспеха так, словно петлю на шее врага. Когда она была готова, взгляд упал на тяжёлый лук. Перед глазами встал образ мишени в тумане.

Нет, — прошептала она. — Я не буду стрелять в туман.

Схватив лишь длинный кинжал и короткий меч, она сбежала вниз. Во дворе ждали оседланные кони и увесистая скатка из шкуры. Не оглядываясь на изумленных слуг, Эрика взлетела в седло. Вороной жеребец издал нетерпеливое утробное ржание, выбивая копытами фонтанчики воды. Но благородная ярость скакуна была скована весом второй лошади — тяжело нагруженной вьючной кобылы со свертком оружия внутри.

Принцесса заставила коня остановиться у подножия башни. Наверху всё так же стоял Ярл Рагнар.

— Ярл! Откройте ворота! Я должна их догнать!

Старый воин медленно повернул голову. Его лицо оставалось каменным. Он не стал отговаривать её. Лишь коротко кивнул стражникам. Тяжелая дубовая створка со скрипом начала открываться, являя путь в холодную неизвестность. Эрика вонзила шпоры в бока жеребца и рванулась вперед.

У самой границы Каменной пустоши она натянула поводья. Граница эта была гигантской расщелиной, уходящей во тьму. Мох уступал место голому граниту, покрытому пятнами лишайника цвета засохшей крови. Принцесса спешила и опустилась на одно колено, изучая следы подков. Они были свежими. Очень свежими.

Мертвую тишину разорвал грохот копыт. Со стороны замка неслась группа всадников — личная гвардия Ярла Рагнара. Дюжина воинов осадил коней вокруг принцессы. Лёгкие доспехи из вываренной кожи, меховые плащи, боевые топоры и шипастые булавы. Забрала шлемов были подняты. На Эрику уставились глаза, лишённые страха. В них читалась первобытная ярость волков, загнавших добычу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.